

Christina Basche

К проблеме эстетически-художественной ориентации системы ценностей в произведениях Ч. Айтматова, Ю. Трифонова и М. Слущика ВОСЬМИДЕСЯТЫХ

Rusycystyczne Studia Literaturoznawcze 12, 30-37

1988

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

**К проблеме эстетически-художественной ориентации
системы ценностей в произведениях
Ч. Айтматова, Ю. Трифонова и М. Слущкиса
восьмидесятых годов**

Христина Баше

В настоящей статье мы попытаемся представить первые, очень сжатые результаты своих исследований в связи с диссертацией на тему эстетически-художественной оценки действительности в художественном творчестве трех советских современных авторов. Мы не можем представить здесь всю сложность дискуссий по данной проблематике в ГДР и в СССР в 70-е и 80-е годы. Но нам хочется указать на самые важные моменты: в философии, эстетике и литературоведении освещается связь между художественной оценкой и функцией литературы, которая изменилась в развитом социализме¹, между оценкой и понятием отражения, между оценкой и категориями эстетики. Философы, такие как Эрих Хан и Вернер Ланге (ГДР)², эстетики, как Каган и Столович (СССР)³, Кох и Прахт (ГДР)⁴, литературоведы, как Рита Шобер, Хорст Редекер, Джон Эрпенбек

¹ Относительно функции литературы на современном этапе социализма Шленштедт ввел термины „ответственный автор” и „компетентный читатель”. См.: D. Schlenstedt: *Prozeß der Selbstverständigung*. „Weimarer Beiträge” 1976, № 12.

² I. Eichhorn, E. Hahn, F. Rupprecht: *Wertauffassungen im Sozialismus*. Berlin 1980; W. Lange: *Weltanschauliche Grundlagen der Wertorientierung*. Halle (Saale) 1982.

³ М. Каган: *Лекции по марксистско-ленинской эстетике*. Ленинград 1971; Л. Столович: *Природа эстетической ценности*. Москва 1972.

⁴ Н. Koch: *Kultur menschlicher Beziehungen*. „Einheit” 1984, Nr 9/10; E. Pracht: *Ästhetik heute*. Berlin 1978.

(ГДР)⁵ придавали дискуссии на тему эстетических ценностей особую значимость. Исходя из положений Кагана, мы определяем оценку как отношение субъекта к объекту и ценность как отношение объекта к субъекту⁶. В связи с этим надо подчеркнуть диалектику этих отношений. Ценности действительности, которые в художественном изображении оцениваются автором, не статичны, но динамичны, созданы в истории обществом и его субъектами. Одновременно художественная оценка автора не только субъективна, поскольку она находится под влиянием общества, в котором писатель живет. Эстетически-художественная оценка — это отношение между субъектом и объектом, которое определяется эстетическими категориями. При этом связь с отражением становится очевидна: художественная оценка действительности — это не репродукция и подтверждение ценностей общества. Мы подтверждаем в отражении и характер отображения, значит, художественный образ действительности, и функциональное рассмотрение литературы. В оценку действительности включены переоценка, новая оценка, критика и установление ценностей.

Исследованные нами произведения — это отображения современной действительности. Концепции авторов соединены признанием оценки и подтверждением будущего, хотя художественное транспонирование открывает очень разные поэтические концепции. Мы остановимся в своей статье подробнее на творчестве Чингиза Айтматова и Юрия Трифонова, в нескольких словах затронем очень сложную проблему ориентации ценностей в произведениях Миколаса Слущкиса. Он самый значительный представитель романа внутреннего монолога в Советском Союзе, можно даже сказать — основатель его в современной форме. Точка зрения повествователя прежде всего определяется горизонтом ведущего монолога субъекта или персонажа, а не автора. Пространство действия очень узко, а в последних произведениях даже размышления героев идут по кругу. Нет познания и решения кризиса героя, зато происходит деформация его психики в сторону оппортунизма. Слущкис показывает при помощи разнообразных средств изображения в произведении, что общество гибнет, если нет людей, способных мечтать о счастье и бороться за идеалы. В его творчестве особое место занимает эстетическая категория трагикомического. Она проявляется в том случае, когда герой не понимает требований своего времени. Ироническая интонация в последних произведениях Слущкиса связана с эволю-

⁵ R. Schöber: *Abbild, Sinnbild, Wertung*. Berlin und Weimar 1982; H. Redeker: *Abbildung und Wertung*. Leipzig 1980; J. Erpenbeck: *Was kann Kunst?* Halle/Leipzig 1976.

⁶ См.: М. Каган: *Vorlesungen zur marxistisch-leninistischen Ästhetik*. Berlin 1974, s. 91.

цией взглядов автора, который все больше пользуется приемом остра-нения. Сложность анализа состоит в том, что трудно решить, ирони-зирует ли автор по отношению к персонажу, или к явлению действи-тельности, или к жизни вообще. Большую роль играют сложные метафоры и вводные мотивы. Они присоединяются к смысловому слою в этом типе романа. Только в них иногда появляются опти-мистические акценты.

В отличие от большого количества существующей теоретической литературы по проблематике ценностей в области философии и эсте-тики до сих пор почти не имеется проведенных с этой точки зрения анализов художественных произведений. Если рассматривать худо-жественные отражения и эстетически-художественную оценку в их взаимосвязи, следует разобраться в функции уровня изображения для ориентации ценностей. Приемлемые опорные точки, обеспечива-ющие достаточно высокую степень объективности результатов ана-лиза, мы находим в структурных анализах германистов Д. Шлен-штедта и Х.-Г. Вернера⁷, а также в исследованиях Бахтина твор-чества Достоевского⁸, хотя в этих работах не затрагивается эстети-чески-художественная оценка авторов. Чтобы выявить у исследу-емых нами авторов функцию структур произведения как носителя ценностей, необходимо в наших анализах воспользоваться предло-женным Шленштедтом разделением изображения на миметический и концепционный аспекты и соответственным соотношением структур к носителям значения⁹. После тщательного исследования возмож-ностей отдельных структур и средств изображения для ориентации ценностей в художественном произведении мы более подробно остано-вливаемся на: 1) персонажах как носителях ценностей и их цен-ностном кругозоре; 2) конфликте как столкновении различных цен-ностных систем, его структуре и изображении; 3) интонации повество-вания, которая самым непосредственным образом передает отношение автора к действительности и ее оценку; 4) аспекте повествования¹⁰, в котором отображается точка зрения оценки и который необходимо сопоставить со смысловым центром произведения; 5) хронотопе¹¹, который упорядочивает ценностный мир произведения в простран-стве и времени и может привести к более высокому смысловому

⁷ D. Schlenstedt: *Das Werk als Rezeptionsvorgabe und Probleme seiner Aneignung*. В: *Gesellschaft-Literatur-Lesen*. Berlin und Weimar 1975, S. 301—436; H.-G. Werner: *Text und Dichtung*. Berlin und Weimar 1984.

⁸ М. Бахтин: *Проблемы поэтики Достоевского*. Москва 1979.

⁹ См.: D. Schlenstedt: *Problemfeld Widerspiegelung*. В: *Literarische Widerspiegelungen*. Berlin und Weimar 1981, S. 152.

¹⁰ Мы употребляем термин „аспект” как германист И. Дирзен. См.: L. Diersen: *Darbietungsformen des Erzählens*. „Weimarer Beiträge” 1967, Nr 4.

¹¹ См.: М. Бахтин: *Формы времени и хронотопа*. В: *Вопросы литера-туры и эстетики. Исследования разных лет*. Москва 1975.

уровню. Сюда же можно отнести мифы, а также содержащиеся в произведении вводные мотивы.

Но для определения эстетически-художественной оценки в художественном произведении недостаточен анализ этих структурных доминант с точки зрения ориентации ценностей. Эта оценка связана с эстетическими категориями, она передается сложнее, чем просто морально-этическая или политико-идеологическая оценка¹². Специфическое действие искусства достигается только тогда, когда при восприятии возникает момент эстетического сопереживания, когда уже в процессе творчества слились эстетическая и этическая оценка. Поэтому необходимо определить центр ценностей в творчестве конкретного автора с точки зрения морально-этической и эстетической. В поисках измеряемых критериев специфики искусства теоретик литературы из ГДР Кепп разработал метод определения „поэтически-структурного момента“, который компонует произведение с прагматико-смысловой точки зрения. В этом центральном моменте эстетической структуры также сосредоточено взаимоотношение индивидуума и общества в художественном произведении¹³. Мы используем эти положения, но будем говорить об эстетико-художественном ценностном центре. Как пример своего метода анализа представляем следующие гипотезы:

В последнем романе Ч. Айтматова *И дольше века длится день*¹⁴ определяющей структуру этической ценностью является сознательное бытие. Все структурные элементы направлены на то, чтобы подчеркнуть эту ценность как основу сохранения человечества как такового. Во взаимосвязи уровня изображения и смыслового уровня оказывается, что для сохранения этой ценности необходимы возвышенные образы. Эстетическая категория возвышенности проникает — в переплетении с основными эстетическими ценностями трагического и прекрасного — во все структурные доминанты, несущие оценку.

Во-первых: персонажи — монолитны. Центральный персонаж — Эдигей, в начале повествования так же морально стабилен, как и в его завершении.

Во-вторых: конфликтная ситуация (сознательное бытие против „манкуртизации“ духа) поднимается на основе изображения конфликта на уровень проблематики всего человечества. Если на уровне непосредственно настоящего дня нет борьбы, а только сосуществование противоречий, то в непосредственном и далеком прошлом и будущем эта борьба имеется. Каждое выступление за сознательное

¹² См.: W. Hohmann: *Die Wertung in der Literatur und das Werten im Literaturunterricht*. „Deutschunterricht“ 1975, Nr 2.

¹³ См.: S. F. Köpp: *Literaturwissenschaft*. Berlin 1980, S. 53, 55, 68.

¹⁴ Ч. Айтматов: *И дольше века длится день*. „Новый мир“ 1980, № 11.

бытие оканчивается смертью. Умирает Найман-Ана от руки манкурта в легенде, вследствие культа личности умирает учитель Абу-талип, космонавты погибают вследствие незрелости враждующего мира. Общество губит личность. Если общество хочет остаться сейчас, в настоящее время, человеческим, необходима непрерывная борьба. Чтобы земля не погибла, необходима победа сознательного бытия.

В-третьих: интонация повествования, в зависимости от аспекта повествования, эпична, страстна, но, прежде всего, торжественно-почтительна по отношению к жизни и к человеку как высшей ценности.

В-четвертых: аспект повествования в основном обзирающий. Между автором и медиальным рассказчиком большое сходство. Центральный персонаж — носитель оценки, приобретает высокую степень обобщенности. Мифы и легенды могли бы в равной степени быть переданы и рассказчиком, и героем. Это подчеркивает их взаимосвязь и, таким образом, обеспечивает цельность произведения.

В-пятых: в романе *И дольше века длится день* хронотоп, помимо конфликта, — один из самых исчерпывающих структурных моментов при раскрытии ориентации ценностей на смысловом уровне. Айтматов связывает в топосе широту казахской степи с бесконечностью неба. Он соединяет микрокосмос Буранного полустанка с макрокосмосом вселенной. В этом вертикальном размещении в пространстве существует „верх” и „низ”. „Верх” бросает оценивающий взгляд на земную жизнь, а „низ” — творит ее. Повторяющейся метафорой перекрещивающихся железных дорог, подобных кровеносным сосудам пульсирующей земли, Айтматов указывает и на горизонтальное переплетение земного пространства. Пространство теряет свою функцию, жизнь кончается, когда больше нет человека, его труда и совести. Так создается человек как возвышенный центр вселенной. К специфике Айтматовского пространства относится мир природы. Изображение взаимосвязи между человеком и животным, человеком и силами природы направлено на ориентацию ценностей. Богатство жизненных отношений персонажей приобретает особую значимость ввиду отдаленности места, Буранного полустанка. Переплетение места и времени в романе усиливает оценку событий. Центральный персонаж, Буранный Эдигей, вспоминает свою жизнь в хронотопе пути. Мысленная ретроспектива его связана с реальной дорогой через степь к кладбищу предков. Заграждение дороги шлагбаумом космодрома вызывает вопрос о будущем. На этот вопрос можно ответить только, связывая два хронотопа в романе: связь хронотопа дороги с параболическим хронотопом¹⁵, ядром которого является легенда о манкурте. Обруч вокруг головы раба в да-

¹⁵ См.: В. Майковская: *К проблеме пространственно-временных моделей в искусстве*. „Искусство” 1980, № 8.

лекие времена, как и кольцо вокруг земли в фантастическом действии символизируют уничтожение сознательного бытия. Лишь здесь становится ясным, что сознательное бытие означает долг человечества, унаследованный в течение тысячелетнего опыта, и что опасность для сознательного бытия в современности может лишитъ человечество перспективы, если эту опасность не обнаружат и не начнут с ней бороться сегодня же. Включением космического уровня в роман Айтматов впервые в своем творчестве выражает художественными средствами свое сомнение в вечности пространственно-временного единства, если человеческий разум не победит.

Эстетически-художественный мир ценностей в последнем романе Ю. Трифонова *Время и место*¹⁶ менее целостен. В этом романе главную точку опоры мы видим в утверждении жизни. В нем мы находим новую интонацию повествования, которая отличается от лаконичности так называемых московских повестей лиричностью. Близость рассказчика и автора очевидна даже тогда, когда аспект повествования определяется персонажами. Подробным рассмотрением различных аспектов речевой характеристики персонажей мы здесь не будем заниматься, важно то, что ценностный кругозор рассказчиком сходен. Повествование, которое ведется с разных точек зрения, снижает субъективизм оценки автора, приобретая, таким образом, некую объективность. Роман на временном уровне характеризуется воспоминаниями персонажей, которые охватывают пунктирной линией отрезок с 1937 по 1980-е годы. Как правило, пространственные экскурсии в прошлое поэтизируются и со временем утрачивают свою поэтичность. Чтобы показать „соединяющие нити” пространства и времени, автор изображает тесноту московских коммунальных квартир и комфорт великих новостроек, а также впечатление широты неба и величия степи в осколках воспоминаний. При этом характерно для Трифонова, что он поэтизирует и старый подъезд, и переплетение улочек и переулков, изображая их как родину, поскольку они были и есть жизненное пространство героев. Связь времени и места устанавливается повторением метафоры распахнутого окна, через которое проникает время и меняет жизнь в доме. (Например сцены похорон Сталина: Антипов видит и познает время. Отказ от запланированного аборта. Его жена оставляет ребенка. Так переплетаются личное и эпохальное.) Соединение хронотопа и структуры конфликта ведет нас к этическому и эстетическому центру ценностей в романе. Конфликты в романе не разрешаются. Противопоставленные жизненные позиции персонажей как носителей определенных ценностей показаны на фоне противоречий и конфликтов эпохи. Взаимосвязь всех структурных элементов романа указывает

¹⁶ Ю. Трифонов: *Время и место*. „Дружба народов” 1981, № 9—10.

на конфликт самого автора, который он транспонирует на героев и рассказчиков. Боль и тоска перед лицом приближающегося личного конца и угрозой человечеству как таковому заставляют его искать поддержку в воспоминаниях. Он мысленно проходит те жизненные ситуации, в которых только смелость и человечность, а также способность претерпевать противоречия позволяют жить дальше. Конфликт концентрируется в синдроме Никифорова как в смысловом центре. Страх признать правду жизни является причиной творческой импотенции писателя Никифорова и всех писателей былых времен, представленных в романе. В синдроме Никифорова центральный персонаж романа, писатель Антипов, познает и свою проблему, но писатель Трифонов хочет не только познания, но и утверждения жизни. Самую высокую этическую ценность он придает жизни в координатах времени и места. Для этого он представляет время осязаемо. Время — герой, который раскрывается в изображениях лавы, реки и крови. Человек движется во времени. Он добр и зол, красив и уродлив. Двойственность персонажей сочетается с некой полифонией голосов в романе. Ценностный кругозор рассказчиков довольно близок в отличие от различающихся друг от друга ценностных кругозоров персонажей. Несмотря на это, почти у каждого есть своя правда, соединяющим моментом которой является для Трифонова бескорыстность.

Славист Шауман из ГДР установил, что в раннем советском романе полифония появляется именно там, где речь идет о диалоге двух миров, „которые находятся в борьбе друг с другом. Цель автора [...] указать на неоконченность этой борьбы”¹⁷. Это относится и к творчеству Ю. Трифонова. Борьба двух миров — это борьба двух морально-этических миров в человеке на фоне эпохального конфликта 80-х годов. В романе Трифонова *Время и место* герои, во всей своей противоречивости, преодолевают страх перед жизнью и приходят к утверждению жизни путем познания своего места в пространстве и во времени. Время и место жизни изображены в эстетическом многообразии. Ориентация на прохождение этой жизни и на радостно-печальный процесс с участием воспоминания показывают, что жизнь продолжается.

¹⁷ G. Schaumann: *Der frühe sowjetische Roman und Bachtins Roman-konzeption*. В: *Roman und Gesellschaft. Internationales Michail-Bachtin-Colloquium*. Jena 1984.

Christina Basche

**Z PROBLEMATYKI ESTETYCZNO-ARTYSTYCZNYCH WARTOŚCI
W UTWORACH CZ. AJTMATOWA, J. TRIFONOWA I M. ŚLŪCKISA
LAT OSIEMDZIESIĄTYCH**

Streszczenie

W niniejszym artykule zamierzam ukazać jedną z możliwych dróg odkrycia wartości tekstu literackiego za pośrednictwem analizy chwytów artystycznych. W zagajeniu odwołał się do dyskusji, dotyczących problematyki wartości, a toczących się w latach 1970—1980 w Związku Radzieckim i Niemieckiej Republice Demokratycznej w dziedzinie filozofii, estetyki i literaturoznawstwa.

Najważniejszymi artystycznymi strukturami i chwytami artystycznymi, ujawniającymi kategorię wartości, są, naszym zdaniem, konflikt artystyczny, intonacja narracji, aspekt narracji, chronotop i całościowy światopogląd postaci działających w utworze. Z tego punktu widzenia zostały przeanalizowane ostatnie powieści Cz. Ajtmatowa i J. Trifonowa (*И дольше века длится день* i *Время и место*). Celem analizy było określenie estetyczno-artystycznego centrum wartości omawianych utworów.

Christina Basche

**FROM THE PROBLEM MATTER OF AESTHETIC-ARTISTIC VALUES
IN THE WORKS OF C. AJTMATOV, J. TRIFONOV AND M. SLUCKIS
PUBLISHED IN THE NINETEEN EIGHTIES**

Summary

In this article an attempt is made to point out one of the possible roads towards discovering the values of a literary text by means of analysis of the artistic method. In the opening part attention is drawn to the discussion related to the problem matter of value which took place in the years 1970—1980 in the Soviet Union and in the German Democratic Republic in the domain of philosophy, aesthetics and literature studies.

The most important artistic structures and means, manifesting the category of value, are, in our opinion, artistic conflict, intonation of the narrative, narration aspect, unity of place and the total aspect of the philosophy of the characters appearing in the work. From this standpoint an analysis was made of recent novels by C. Ajtmatov and J. Trifonov (*И дольше века длится день* and *Время и место*). The purpose of the analysis was to determine the aesthetic-artistic focus of values in these given writings.